

# КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ ФИЛОСОФИЙ

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-11-31

УДК 101.1; 101.9

## **СИБИРСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПЕРЕД ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ВЫЗОВОМ: ПРЕОДОЛЕТЬ «ПРОВИНЦИАЛИЗМ» И «ТУЗЕМСТВО»**

**Розов Николай Сергеевич,**

*доктор философских наук, профессор,*

*главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН,*

*Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8;*

*заведующий кафедрой социальной философии и политологии*

*Новосибирского государственного университета,*

*Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1;*

*профессор кафедры международных отношений и регионоведения*

*Новосибирского государственного технического университета,*

*Россия, 630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20*

ORCID: 0000-0003-2362-541X

nrozov@gmail.com

### **Аннотация**

Дано представление о «провинциальной философии» (вторичной, ориентированной на современные европейскую и американскую традиции) и «туземной философии» (изолированной, обсуждающей замкнутый круг местных и/или давно устаревших идей). Показано, что работы сибирских философов обладают чертами обоих типов. Отмечено, что есть потенциал для прорыва к «столичности» – превращению сибирской философии в один из значимых центров отечественной и мировой философской сети. Обозначены факторы преодоления «провинциализма» и «туземства»: сочетание в творчестве новизны и значимости, обнаружение и активное обсуждение глубоких затруднений, бурные дискуссии на актуальные в мировой философии темы с неперенным оригинальным вкладом, сочетание «паломничества», «миссионерства», привлечение «звезд» и стажеров из разных центров мировой философской сети. Показано, какие конкурентные преимущества и благоприятные возможности могут быть использованы для развития сибирской философии при опоре на позитивные черты «сибирского этоса»: мужество и упорство в преодолении трудностей, здравомыслие, смекалка, любознательность, практичность, горизонтальная солидарность и готовность к взаимопомощи. Сформулированы некоторые организационные принципы и стратегии, которые могут способствовать превращению сибирской философии из туманной возможности в известную и привлекательную действительность.

**Ключевые слова:** сибирская философия, «провинциальная философия», «туземная философия», «столичная философия», глубокие затруднения, интеллектуальные сети, философские дискуссии, актуальные проблемы философии, сибирский характер.

**Библиографическое описание для цитирования:**

*Розов Н.С.* Сибирская философия перед интеллектуальным вызовом: преодолеть «провинциализм» и «туземство» // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 1, ч. 1. – С. 11–31. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-11-31.

**«Заброшенность» философии в Сибирь  
и экзистенциальный вопрос**

Самосознание философов и философии в Сибири находится в самом начале своего роста и развития. «Философия Сибири» включает размышления как абстрактного, общего, так и междисциплинарного научного характера о самой Сибири, ее особенностях, месте, роли и перспективах в мире. Здесь также делается упор на предполагаемой идейной целостности с характеристиками миролюбия, с упором на «евразийские» (понимаемые как коллективистские и государственнические) ценности [6, 8]. «В рамках того, что может быть названо “философией Сибири” [1], можно констатировать: за счет своего срединного геополитического положения и особенностей истории Сибирь всегда объединяла народы Востока и Запада и выполняла важнейшие миротворческие функции <...> Сами сибиряки (и пришедшие в Сибирь русские, и ее коренные жители) демонстрировали уникальные навыки не просто культурного диалога, но межкультурного синтеза и взаимного обогащения [...] Социологические исследования свидетельствуют, что, несмотря на всё этнокультурное разнообразие сибирских народов, в рамках их “жизненных миров” можно выявить устойчивое ядро общих евразийских ценностей, противостоящих ценностям индивидуалистическим и рыночно-потребительским. Соответственно, и созидательное социально-экономическое развитие сибирских регионов должно опираться на эти традиционные коллективистские ценности, прошедшие испытание временем» [8, с. 183–184].

Под «сибирской философией» изначально подразумевалось формально-географическое объединение философов и их творчества по территориальному признаку – сообществу профессиональных философов, а также всех пишущих на философские темы, живших или ныне живущих в Сибири или же во всей азиатской части России. В данной работе «сибирскую философию» будем понимать как желаемый образ – проект творческого интеллектуального центра с открытыми возможностями и путями развития в обширном пространстве центров и сетей российской и мировой философии.

Почему вообще имеет смысл задаваться вопросом о сибирской философии? Разве философия – это не дело одиноких творцов-мыслителей?

*Индивидуальный* уровень философствования – самый очевидный, особенно прокламируемый в персоналистских, экзистенциалистских учениях, отнюдь не является единственным. Второй уровень, который можно назвать *диалогическим* или *полилогическим*, включает всегда присутствующие в философии обсуждения: как устные, так и явные или скрытые отсылки в философских работах к чужим идеям, комментирование и дискуссии.

Следует учесть также значимость всегда присутствующих социальных связей: кто с кем спорит и чьи идеи развивает, кто чей ученик и учитель, кто с кем объединяется или расходится. Тогда становится виден третий – *сетевой* – уровень существования и развития философии. Р. Коллинз в своем фундаментальном труде «*Социология философий*» показывает, что философия, как и прочие интеллектуальные сферы, является не только и не столько творчеством индивидуумов, сколько социальным предприятием. Все мы как философы воспитаны в интеллектуальных сетях, пользуемся ресурсами сетей, наши работы распространяются по сетям. Кафедры, факультеты, кружки, журналы и издательства являются узлами и центрами сетей, а сами философы и их труды – моментами в развитии интеллектуальных сетей [9, 12, 15, 16].

Философские сети и сообщества могут иметь цивилизационный, национальный или региональный масштаб<sup>1</sup>. В этом аспекте «заброшенность» философа в определенное место (в нашем случае – в тот или иной регион и город Сибири) задает *возможности и ограничения сетевых взаимодействий*, причем вне зависимости от осознания этого непреложного факта самими философами. Пробуждающееся самосознание сибирской философии позволяет учитывать и по мере сил преодолевать ограничения, а также использовать ранее скрытые возможности и ресурсы сетевых взаимодействий как внутри Сибири, так и далеко за ее пределами.

Экзистенциалистская метафора «заброшенности» сродни экзистенциалистскому же императиву трезвого и бескомпромиссного самосознания. Только с осознания своего положения как твердой опоры появляется возможность к движению и развитию. «Мы – сибирские философы – кто такие?» На этот неполиткорректный вопрос нужно дать честный и не особо приятный ответ: «Мы – провинциалы, и отчасти туземцы». Причем в нескольких смыслах и степенях.

<sup>1</sup> В сравнительных исследованиях, как правило, речь идет о национальных философиях либо о философиях крупных мировых регионов (Южная Азия, Большой Ближний Восток) и даже континентов (Африка, Южная Америка). Иногда внимание привлекают философии провинций внутри национальных границ [31, 32].

### Провинциальная и туземная философия

В обычном значении слов сибирская философия провинциальна «в квадрате»: по отношению к философским центрам в Москве и Петербурге и далее к западной, прежде всего европейской и американской философии. Аргументировать этот тезис считаю излишним, достаточно просмотреть учебные программы, списки обязательной литературы, темы квалификационных работ сибирских университетов, а также пропорции в тематике и ссылках в наших статьях и книгах.

«Туземство» – слово неприятное, граничащее с оскорблением, но оно позволяет с большей остротой осознать неукорененность философии в Сибири, ее полностью привнесенный, заимствованный характер. Далее о «провинциализме» и «туземстве» будем говорить в более специальном смысле, заданном в работах социологов М. Соколова и К. Титаева [18]. Применим их идеи относительно «провинциальной» и «туземной» науки к философии.

*Провинциальная философия* всё внимание обращает только на происходящее в *столицах* – признанных мировых интеллектуальных центрах, которые весьма редко отвечают ей взаимностью. Провинциальная философия живет восприятием, освоением, популяризацией новых идей и терминов из столиц, всё остальное третируя как отсталость и варварство. Для *провинциалов* характерно стремление стажироваться, ездить на конференции в *столичные* центры («интеллектуальное паломничество»), участвовать в каких-либо международных проектах, принимать *столичных* авторитетов («интеллектуальное миссионерство»), переводить их труды и пересказывать, бесконечно комментировать их идеи, пытаться приобщить местную периферию к свету «настоящей современной философии»<sup>2</sup>.

*Туземная философия* обращена к себе и своему прошлому, делает упор на особых достоинствах национальной или местной традиции. Туземные философы нередко хвалятся тесными связями с местной администрацией. Туземная философия включает местечковые группы со своими собственными авторитетами, обычно пренебрегает международной интеллектуальной мобильностью. Связи с национальными философскими столицами поддерживаются, но и в них *туземцы* обычно общаются с такими же *туземцами*.

<sup>2</sup> Необходимо заметить, что статус политической или культурной столицы (в России это Москва и Санкт-Петербург) вовсе не гарантирует *интеллектуальной* столичности. Так же как и в мегаполисах, политических центрах других стран вне Западной Европы и США (Стамбул и Анкара, Рио-де-Жанейро и Бразилиа, Шанхай и Пекин, Мумбай и Дели, Мельбурн и Сидней), здесь доминируют провинциальная философия и провинциальная наука, при том что при наличии местного накопленного культурного ресурса, как в Индии и Китае, сохраняются крупные туземные интеллектуальные сообщества.

Ни та ни другая стратегия не приближает к *столичности*. Труды *провинциалов* и *туземцев* не получают признания за пределами их достаточно узких сообществ. В *столицах* их игнорируют. *Провинциалы* со своими вторичными идеями там не интересны, а о существовании *туземцев* в *столицах* даже не подозревают.

Может ли и каким образом сибирская философия обрести черты *столичности*, т. е. стать интеллектуальным центром с высокой мировой репутацией, привлекательным и для «паломников», и для представителей признанных философских столиц? – вот вопрос для дальнейшего обсуждения.

### **Особенности актуального состояния сибирской философии**

Чтобы преодолеть трудности, необходима точка опоры – открытое и трезвое признание главной структурной характеристики своего положения.

В ведущих центрах сибирской философии – Томске и Новосибирске – со всей очевидностью процветает *провинциальная* философия: делаются переводы, активно обсуждаются западные идеи. Хорошим тоном считается, когда читают и цитируют западные публикации; в таких текстах сибирская (а нередко даже российская) принадлежность автора не обнаруживается (см., например, [4, 5, 10, 12, 14, 15, 19, 21–24]).

Разумеется, в этих центрах есть и *туземные* кружки. Судя по всему, *туземные* традиции доминируют в других сибирских городах, но они, как правило, не известны вовне – их «не слышат».

Для сибирской философии характерна недостаточность собственного накопленного общего интеллектуального ресурса (культурного капитала). Как следствие, практически полностью отсутствует собственная сибирская философская традиция<sup>3</sup>. Только старшее поколение помнит философов, работавших в Новосибирске и Томске в 1960–1970 гг., почти никто не читает их труды и не развивает их идеи. Нет аналога книг М.К. Петрова, наследие которого канонизировано, служит опорой и источником развития идей в философии Ростова-на-Дону.

Сибирская философия сегодня – это преимущественно *философия одиночек и кружков*, которые разобщены, лишены общего пространства и фокуса интеллектуального внимания, не ведут дискуссий друг с другом. Эти редкие неустойчивые кружки без солидарного самосознания и самоназвания

<sup>3</sup> Редкие попытки обнаружить и представить собственные оригинальные философские ресурсы Сибири только подкрепляют данный тезис (см., например, [11]). Областные идеи и работы Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева лишь весьма условно можно отнести к философским [26]. Заброшенность (уже в прямом смысле) Г.Г. Шпета суровым ветром репрессий в Томск также не позволяет говорить о накоплении специфических для Сибири философских идейных ресурсов.

имеют подчиненное положение, поскольку обычно *принадлежат к чужим сетям* – московским и питерским, реже – к западным: французским, немецким – в классической и континентальной традиции, британским и американским – в аналитической философии.

Для подкрепления этих нелицеприятных суждений рассмотрим лишь один срез – только вышедший в свет сборник статей, подготовленный участниками Сибирского философского семинара [17]. Сборник весьма показателен в демонстрации того, о чем пишут сибирские философы, что их волнует, над чем работают, что читают, на кого считают нужным сослаться, что хотят сообщить коллегам.

Большинство статей посвящено западной философии (70 % и более), гораздо меньше – восточной (около 10 %), совсем мало – русской (менее 3 %). Очень показательное отношение к актуальным ведущимся дискуссиям: обсуждаются только споры в современной западной философии (в пяти статьях, что отрадно), но ни о российских дискуссиях, ни о сибирских нет ни слова. Либо таковых дискуссий вовсе нет, либо они не известны, либо не заслуживают внимания.

Больше всего ссылок (порядка 2/3) авторы делают на современных западных философов. На втором месте – московские и петербургские авторы, причем преимущественно те, кто пишет также о мыслителях Запада. Примерно треть ссылок обычно входит в категорию «на себя любимого» (это немало, но и не скандально много). Далее идут ссылки на западных философов-классиков (на работы, изданные до 1991 г.). Есть несколько ссылок на восточных мыслителей, на российских нестоличных авторов из других регионов, и совсем мало ссылок на сибирских философов. Иными словами, друг друга мы не читаем, а даже если иногда и читаем, то почти не ссылаемся (в том же грехе повинен и автор этих строк, разве что в данной работе сделан шаг к искуплению).

В целом, среди философских работ сборника я насчитал 19 *провинциальных* статей (обсуждающих работы западных авторов без существенного собственного вклада), 17 *туземных* (написанных так, будто мировой философии вовсе нет или она не имеет никакой ценности). При этом с приятным удивлением я обнаружил целых 10 статей с хорошим потенциалом для прорыва к *столичности*, где не просто обсуждаются актуальные проблемы мировой философии, ведущиеся дискуссии, но также заявлены собственные идеи, снабженные оригинальной и более или менее убедительной аргументацией.

Итак, *провинциализм* доминирует, *туземство* занимает ожидаемо крепкие позиции<sup>4</sup>, но есть и существенный потенциал прорыва.

<sup>4</sup> Чтобы коллеги не обижались на неслезные эпитеты «провинциализма» и «туземства», совершу соответствующий «coming-out»: сам автор этих строк является преимущественно *провинциалом*, о чем свидетельствуют переводы книг, переводные альманахи и большая плотность заимствованных западных идей в его книгах и статьях. Впрочем, данная статья имеет глубоко

### Способы и факторы прорыва к столичности

М. Соколов и К. Титаев только фиксируют состояния интеллектуальных «провинциальности» и «туземства». Нас же здесь интересуют возможности их преодоления – обретения статуса такого интеллектуального центра, достижения которого получают внимание извне, слова и идеи которого «слышны».

Для интеллектуального признания философского высказывания первостепенную значимость имеют его значимость и новизна [9]. *Значимость высказывания* характеризуется близостью его содержания к центру интеллектуального внимания, к тому, что живо обсуждается в *столичной* философии, над чем размышляют и дискутируют в ведущих столичных журналах, в статьях и книгах философских «звезд».

*Новизну* составляют идеи, концепты, подходы, позволяющие увидеть, поместить в центр интеллектуального внимания нечто ранее скрытое, стимулирующие дальнейшие исследования и споры.

Новизна в отношении незначимого бесполезна, ее просто не заметят. Значимость при отсутствии новизны – повтор общеизвестного. Только сочетание значимости и новизны привлекает интеллектуальное внимание и дает надежду, что такое высказывание будет замечено: статья будет прочитана, книгу переведут и будут обсуждать, на эти работы будут долгое время ссылаться, развивать (или опровергать) эти идеи и подходы.

В *провинциальной* философии обсуждаются значимые темы, но привычка к пересказу, почтительному комментированию и обсуждению нюансов *столичных* достижений препятствует творческой новизне, для которой необходимы смелость, самостоятельность мышления и разрыв с авторитетами.

Такая смелость и самостоятельность, вплоть до пренебрежения признанными мировыми авторитетами, вполне могут проявиться в *туземной* философии, что, вообще говоря, может привести к творческой новизне. Однако *туземные* философы далеки от переднего фронта проблем и не знают, что теперь находится в центре интеллектуального внимания мировой философии. Поэтому даже действительно новое в туземном философском творчестве лишено значимости, никто вовне эту новизну не поймет и не оценит. Закрытость и изоляционизм ведут к тому, что новые идеи здесь, как правило, не развиваются и даже не сохраняются. Туземная традиция всегда возвращается к обсуждению и восхвалению привычных стародавних учений, нередко вековой давности.

---

*туземный* характер, поскольку помимо самих сибирских философов проблемы самосознания и перспектив сибирской философии никого не волнуют, не могут и не должны волновать, ведь это наши сугубо *туземные* разговоры.

Лучше всего способствует сочетанию новизны и значимости обнаружение *глубокого затруднения*. «Глубокое затруднение (*deep trouble*) – это учение, содержащее некое самовозрастающее препятствие. Открываются альтернативные пути, каждый из которых содержит новые загадки. Исследование таких головоломок становится главной динамической силой на пути к более высоким ступеням последовательности абстракции-рефлексии. Интеллектуальная жизнь черпает свою энергию из противостояний. Она расцветает на почве глубоких затруднений, которые гарантированно обеспечивают предмет спора. Как только обнаруживается некое глубокое затруднение, оно получает тенденцию к возобновлению на последующих уровнях абстракции» [9, с. 1084].

Изучение динамики интеллектуальных сетей позволяет сформулировать следующие условия продвижения к интеллектуальной *столичности* [9, 14]:

- *прямой личный контакт с признанными авторитетами в данной области, попадание в центры интеллектуальных сетей, отсюда важность «паломничества» (стажировок с возвращением) и принятия «миссионеров» (приглашенных профессоров), вовлечения их в местные споры и сотрудничество;*
- *участие в столичных дискуссиях, которое вызывает отклик и обращает столичное внимание к новым аргументам<sup>5</sup>; здесь речь идет и об устном общении на конференциях (столичных или со значительным столичным участием), и о важности упорных попыток пробиться на страницы столичных (прежде всего европейских и американских) журналов, где эти дискуссии ведутся;*
- *участие в обязательных ритуалах признания достигнутых успехов в «слышимости», что поднимает уровень эмоциональной энергии, связанной с чувством своей правоты («моральной силы», по Э. Дюркгейму), а также дает привлекательные образцы для подрастающего поколения интеллектуалов.*

### Региональная специфика

Сибирь – регион со сложной и драматической историей, включающей неизжитый по сию пору колониализм<sup>6</sup> при отсутствии крепостничества и

<sup>5</sup> Удачным, но редким примером является резкая критика В.В. Целищевым московского философа В.К. Шохина и американского философа А. Престона [30] за «ревизионизм без берегов» в трактовке истории аналитической философии [22].

<sup>6</sup> «С помощью пороха, алкоголя и бактерий русские уничтожили, вытеснили или ассимилировали многие народы – соседей, конкурентов, союзников, врагов. Но этот процесс растянулся на столетия. Волны авантюры и насилия, тяжелого труда и массового скрещивания катились от центра России к движущимся границам колонизации; оттуда возвращались колониальные товары и знания. В культурном отношении российский фронт был скорее скудным, зато в географическом – очень обширным. Как бы ни изменяло его время, он всегда растягивался на огромные пространства. В его пределах регулярные переходы от охоты к скотоводству и от сельского хозяйства к промышленному развитию были скорее



внушительном подъеме дореволюционного сибирского купечества, волны переселений, разнообразные отношения (от сотрудничества до жестокого насилия) между старожилами, недавними переселенцами самых различных этнических групп и социальных слоев, ссыльными, коренными жителями, одни из которых близки к вымиранию или ассимиляции, другие в роли «титупной нации» переживают подъем национального самосознания.

На всё это наложились тектонические сдвиги постройки Транссиба, революции, Гражданской войны, коллективизации, масштабная политика и экономика ГУЛАГа (причем многие охранники и выжившие узники лагерей остались жить в Сибири), перенос целых заводов в военный период, волны покорения целины и индустриализации [27]. Мощный толчок развитию дала реализация проекта развития сибирской науки и университетского образования.

Но при всех исторических пертурбациях сохраняются базовые фоновые факторы сибирского бытия: суровый климат, огромные расстояния с большими незаселенными территориями, отдаленность от российских столиц, сохранение во многом колониального, эксплуататорского отношения к Сибири как источнику ценных природных ресурсов<sup>7</sup>.

Играет ли (и должно ли играть) вышесказанное какую-то роль для сибирской философии? За редчайшими исключениями тексты сибирских философов лишены каких-либо меток или признаков учета их места жизни и деятельности. Больше того, создается впечатление намеренного умолчания, отказа учитывать особенности сибирского бытия и сибирской истории.

Нужна ли эта связь и какой она должна быть – трудный вопрос, на который рано или поздно «философии Сибири» придется отвечать. Оставив за скобками крайне туманный вопрос о статусе «сибирскости» [1, 3], будем использовать сложившиеся представления о «сибирском характере» (точнее – о сибирском этосе) для эскиза желательного образа сибирской философии в перспективе ее прорыва к *столичности*.

*Сибирский этос* включает следующие черты:

- самостоятельность, готовность мужественно встречать и преодолевать трудности;

---

исключением, чем правилом. Часто единственным выгодным бизнесом на многие века оставалось звероловство; иногда на земле, не знавшей плуга, сразу вырастали города» [25, с. 96]. См. также [7, 8, 20, 28].

<sup>7</sup> «По нашим расчетам, объем вывоза финансовых ресурсов из Сибири и Дальнего Востока (с учетом Тюмени и северных автономных округов) – около 100 млрд долл. США в год – ненамного меньше валового регионального продукта этого региона <...> Дело дошло до абсурда: при огромном профиците федерального бюджета бюджеты некоторых сибирских регионов в последние год-два дефицитны» [20, с. 132].

- здравый смысл, смекалка, высокая адаптивность, предприимчивость; широта кругозора, практичность и внимание к любым новинкам, которые можно с пользой приспособить в работе и быту<sup>8</sup>;

- преимущественно горизонтальные отношения, терпимость к чужакам, готовность уживаться с ними и способность конструктивно улаживать конфликты; императив взаимопомощи, особенно перед лицом угроз и природных бедствий [1, с. 26];

- нелюбовь к иерархиям, некоторое дистанцирование от государства, власти; скепсис в отношении официальной идеологии, неприятие грубого принуждения и свободолюбие, уважение к чужой свободе и чужому достоинству (см. рассказы, выявляющие нравственные позиции В. Шукшина, В. Распутина, В. Астафьева и др.).

Разумеется, здесь указаны черты прежде всего положительного свойства, симпатичные автору и могущие стать антропологическими основаниями для развития сибирской философии. В почти вавилонском смешении народов, сословий и классов, из которого выросло нынешнее население Сибири, есть много разного, в том числе и противоположного выделенным выше характеристикам. Но при опоре на положительные стороны можно концептуализировать образ социального бытия, предпочтительный для сибиряков, как *человеческий порядок*, при котором уважают, защищают свободу и достоинство каждого, признают неизбежность и нормальность различий, не пытаются навязывать какое-либо единомыслие, но готовы к общению и сотрудничеству, а при надобности непременно приходят на помощь.

Насколько верен такой образ – отдельный вопрос. Здесь же используем эту (сознательно идеализированную) модель для определения того, что назовем сибирским подходом в философии.

### Сибирский подход в философии

- *Сибирское мужество и упорство* способствует готовности философов ответить на вызовы «заброшенности» в Сибирь, отдаленности от интеллектуальных центров и отсутствия собственного специфически сибирского философского идейного капитала.

- *Сибирская широта кругозора*. Как говорилось выше, сибирские философы находятся в большом отдалении и от российских, и от западных, и от восточных философских столиц. Если эту неприятность сопоставить с максимумами «дух веет, где хочет» и «беру нужное там, где нахожу», то удален-

<sup>8</sup> «В качестве предпосылок формирования региональной общности сибиряков авторы называют географическую отдаленность и некоторую замкнутость Сибири от Европейской России, обширность территории, определенную свободу в жизнедеятельности и относительно мирное сосуществование пришлого и аборигенного населения (обусловленные обилием земель и угодий), особые природно-климатические и этнокультурные условия, межэтнические и межрелигиозные контакты» [3, с. 323]. См. также [1].

ность следует принять как приглашение с вниманием и интересом изучать философские достижения из сколь угодно дальних краев, искать требуемый идейный капитал в самых разных местах, прежде всего в мировой сети *столиц*, плотно связанных между собой спорами и взаимными ссылками интеллектуальных центров. Широта кругозора – это наше право на взгляд из сибирских «пустошей» для формирования собственной точки зрения по каждой актуальной проблеме, причем *сибирская точка зрения может быть интегрирована из самых разных идейных традиций*. Знание иностранных языков, готовность не только читать, но и говорить, писать на них, особенно по-английски, выражая при этом *свои, новые и значимые для дальних коллег мысли*, – вот трудность и препятствие, для преодоления которой особенно требуется *сибирское мужество и упорство*.

• *Сибирский здравый смысл и философский реализм*. При всем моем почтении к отвлеченному идеализму (с большим недоверием к постмодернизму и разным формам иррационализма) для сибирской философии считаю более естественным и перспективным развивать традиционные для нее реалистические, рационалистические и гуманистические идеи<sup>9</sup>, причем в союзе с науками<sup>10</sup>.

• *Сибирская смекалка и сибирский философский прагматизм* означают следующий принцип: искать, находить, присваивать и приспособлять чужие полезные идеи<sup>11</sup>. Аналогом бытовой смекалки служит в философии способность находить необычные, оригинальные мысли и приемы, комбинировать их и использовать для решения актуальных проблем, причем «так, чтобы работало». В *онтологии* таковыми являются понятия, категории, принципы, позволяющие строить теории, которые хорошо объясняют, а то и предсказывают происходящее в мире; в *гносеологии* – то, что позволяет получать познавательный доступ к ранее скрытому; в *аксиологии* и *социальной философии* – то, что способствует установлению гуманных порядков.

<sup>9</sup> Философы Новосибирска пишут о человечности как возможности оставаться свободным, самостоятельным, критически мыслящим и морально автономным существом [2], о принципе защиты свободы, достоинства и полноценной жизни каждого человека (антропростасии) как стержне современного гуманизма [16], о смысле истории как испытании человеческого рода на способность создать социальные порядки (названные гуманными) для этого, причем в условиях перманентного дефицита ресурсов и многовековой разобщенности культур, наций, цивилизаций [15, с. 235–252].

<sup>10</sup> Томский философ В.Н. Сыров предлагает «вступить, наконец, на путь продуктивного диалога с социальными науками, а в первую очередь с социологией» [21, с. 25]. См. также идеи философов Омска и Красноярска о перспективах взаимодействия философии с научными исследованиями [13], в том числе с когнитивными науками [10].

<sup>11</sup> Ср.: «Именно осознание того, в какой степени социология, а возможно, дискурс социальных наук в целом, сохраняет черты западного проекта, продуктивно еще и тем, что должно позволить нам понять, как правильно распорядиться как имеющимся отечественным наследством, так и ресурсом англосаксонской и континентальной традиции, разобравшись, что в нем нужно и что своевременно» [21, с. 26].

### Раскол как вызов для консолидации сибирской философии

*Ментальный разрыв* между «провинциалами» и «туземцами» существует и проявляется давно. Друг другу мы не интересны, друг друга не слышим и слышать не хотим. Это воспроизводит разобщенность во всей российской философии, в том числе и в сибирской. Одни действуют по библейской заповеди: «Не ходите на совет нечестивых», т. е. не ведите разговоров с людьми, падшими в моральном и политическом плане. Здесь имеет место идеологическое неприятие. Другие ведут себя согласно шутиливой рекомендации: «Не спорьте с идиотами, они опустят на свой уровень, а там задавят опытом». Здесь видим интеллектуальное пренебрежение и снобизм.

«Провинциалов» и «туземцев», занимающих крайние позиции, не переубедить. Умеренным, более или менее терпимым полезно знать и выполнять правила отбора тех, с кем можно и нужно беседовать, спорить, находить общность хотя бы в предметах, достойных размышлений и обсуждений.

Предварительные требования для вступающих в интеллектуальный разговор, в философские и научные дискуссии отчасти имеют общий характер и известны, отчасти уточнены в приложении к особенностям сибирской философской ситуации:

- отказ от догматизма – готовность приводить аргументы в пользу своей позиции;
- в сфере онтологии, в суждениях о сущем, о теориях – готовность совместно искать способы операционализации и проверки – как это работает для объяснения и предсказания явлений и процессов;
- в сфере ценностей, моральных принципов, политической философии – готовность совместно искать подходы к применению этих идей в установлении гуманных порядков.

### Претенденты на «глубокие затруднения»

*В социальной и политической философии* – это классическая проблема приоритета интересов: индивидуальных или коллективных, государственных, спор либералов и коммунитаристов [24]. Сейчас активно ведется дискуссия между либертарианцами и защитниками государственного начала (где «правые» и «левые» парадоксальным образом солидаризируются). Особую остроту дискуссии придает связь с дискурсом о кризисе и чуть ли не упадке либеральной демократии, причем в ее главных западных цитаделях<sup>12</sup>. В социальной философии и философии истории остается актуальной дилемма между направленностью на построение «региональных» онтологий

<sup>12</sup> См. дискуссии об этом на сайте «Либеральная миссия»: <http://www.liberal.ru/articles/7287>.

для разных социальных сфер, культур, эпох и требованиями единой социальной онтологии для всей человеческой истории (см.: [23]).

В *аналитической философии* следует обратить внимание на дилемму интернализма и экстернализма, между приверженцами и противниками программы «унификации». Следует либо строго ограничить рассуждения сферой языка, высказываниями (как завещал Витгенштейн в поздних работах), собрать, упорядочить, «унифицировать», закрепить накопленные в аналитической философии достижения<sup>13</sup>, либо смело выходить за эти пределы, использовать результаты когнитивных и социальных наук, не заботясь особо ни о чистоте «аналитизма», ни об «унификации».

Привычный в отечественной традиции призыв к «междисциплинарности» отнюдь не очевидно оправдан в данном случае. Главные достижения аналитической философии обязаны именно практике детального, даже дотошного анализа высказываний, значений слов и смыслов утверждений, их внутренней логики. Выход за эти пределы рискован, поскольку здесь поджидают угрозы потери строгости анализа, размывания, даже разрушения накопленных методов и техник анализа, критериев валидности суждений.

В *истории философии* по-прежнему горячей, актуальной темой представляется спор между контекстуалистами (сторонниками аутентичности, несводимости прошлых смыслов) и апроприационистами (сторонниками модернизаторства)<sup>14</sup>. Первые делают упор на погруженности философских текстов и смыслов в прежние, давно исчезнувшие конкретные контексты. Они вполне убедительно доказывают, что слова раньше имели другие значения, подчеркивают ошибки упрощенного, «школьного» понимания философских идей прошлого, нередко сетуют на непереводаемость, культурную и интеллектуальную несоизмеримость. Вторых интересуют не давно ушедшие подлинные и почти не достижимые для понимания современным человеком смыслы, но, напротив, сохраняющаяся актуальность и жизненность идей прошлого, их универсальная значимость, важность для

<sup>13</sup> «Аналитическую философию объединяет общий методологический мотив. Этот мотив, который можно обозначить как исследование различных языковых практик, берет свое начало в работах Фреге, поставившего задачу исследования практики логического вывода в языке математики, и находит свое полное воплощение во взглядах раннего Витгенштейна, который в своем “Логико-философском трактате” ставит проблему выяснения условий возможности языковой практики как таковой» [19].

<sup>14</sup> Ср.: «При исследовании, интерпретации и переводах авторов прошлого, даже и не слишком отдаленного, в аналитической философии принято различать то, что называют *history of ideas*, и то, что называют *history of philosophy*. Различие связано с тем, что первая ставит перед собой задачу наиболее адекватной интерпретации взглядов или текстов философов, их вписывание в исторический и культурный контекст, отслеживание филиации идей, тогда как вторая нацелена на то, что можно было бы назвать имманентной реконструкцией философской идеи, заложенной в исходный текст или систему» [19]. См. также [29].

современных проблем, полезность перевода на современный язык и стилизаций, даже практического использования<sup>15</sup>.

Было бы неправильно ожидать, что сибирская философия даст единое и убедительное для всех решение этих и других глубоких затруднений. Ставку следует делать именно на различные подходы, спор между ними, причем с *новой и значимой* для «столичных» философских центров аргументацией.

### Организационные принципы и стратегии

Сохраняют значение традиционные практики распространения идей и влияния: интеллектуальное паломничество и интеллектуальное миссионерство. «Паломники» обучаются или стажировются в «столице», проводят там первые исследования, налаживают связи с лучшими специалистами в своей области, но потом непременно возвращаются (иначе это уже не «паломники», а эмигранты).

В самих центрах сибирской философии следует обеспечить комфортную среду для приезда таких «паломников» как из России, так и из-за рубежа. Чем больше их и чем выше статус интеллектуального центра, откуда они приезжают, тем ближе мы сами продвигаемся к столичному статусу. То же касается приглашения «миссионеров» – визит-профессоров из философских «столиц». Существенный сдвиг в нужном направлении произойдет, когда они будут сами стремиться сюда, причем не только для распространения своих идей, но и для участия в бурной, эмоционально насыщенной и интеллектуально богатой жизни на философских факультетах и кафедрах в Сибири.

Каждый действительный интеллектуальный центр должен быть в значительной мере международным: с меняющимся составом приглашенных из-за рубежа исследователей, а также привлеченных живыми актуальными дискуссиями и значимыми результатами центра стажеров.

Трудной проблемой является разобщенность сибирских философов – фактическое отсутствие нашего интереса к тому, чем занимаются коллеги. Риторические призывы, равно как и административные попытки, принуж-

<sup>15</sup> «Сторонники этих двух подходов зачастую резко критически настроены друг против друга. Контекстуалисты с пренебрежением относятся к апроприационистам, приписывая им отбрасывание исторической правды. Апроприационисты считают историю ради самой истории, вне приложения ее к более широким задачам, бессмысленной, антикварной. Существенные отличия одного подхода от другого заключаются в том, что контекстуалисты во многом наследуют методам, сформировавшимся в классической филологии, стараясь не отходить от буквы текста и языка, на котором этот текст написан. Апроприационисты полагают, что невозможно написать историю философии, не погружая ее в иной контекст, касающийся современных проблем, а иначе невозможно отличить вечные философские проблемы от частных синоминутных задач» [4, с. 231, 232]. См. также [33]. Многообещающий подход «аналитической истории философии», сосредоточенный на анализе, реконструкции и «улучшении» аргументации в философских текстах далекого прошлого (прежде всего античных, святоотеческих), призван в некотором смысле преодолеть ту же дилемму [5].

дать к чтению, обсуждению работ друг друга и ссылкам на них не помогут, пока не будут подкреплены реальной мотивацией. Но откуда она вдруг возьмется?

Согласно положениям «Социологии философий» [9], главной социальной мотивацией интеллектуала является повышение собственной репутации среди значимых коллег, своего референтного сообщества. Поэтому следует изобрести такие формы взаимодействия, устного общения, публикаций, совместное и скоординированное участие в которых сибирских философов гарантировало бы всем участникам внимание со стороны интеллектуальных «столиц». С учетом того, что в ведущих философских центрах Москвы и Петербурга также господствуют «провинциаль», взоры которых обращены к западноевропейской и американской философии, первое лежащее на поверхности решение – *организация в Сибири живых дискуссий с привлечением западных «звезд» и их отечественных «столичных» приверженцев.*

При этом в сибирской философии нужно систематически накапливать собственный культурный ресурс, превращая его в конкурентное преимущество для решения актуальных проблем, а затем и для постановки новых значимых проблем, для выявления глубоких затруднений.

\* \* \*

Существует ли сибирская философия как нечто большее, чем совокупность философов и трудов в формально-географических границах? Пока что ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Для большей ясности воспользуюсь кантовским языком.

Как вещь-для-себя и вещь-для-других, сибирская философия «по гамбургскому счету» не существует. На сегодняшний день в ней нет настоящего самосознания, нет солидарности, нет бурных эмоционально и интеллектуально насыщенных споров, поэтому нет вихрей творческой энергии, нет подлинного интереса и признания извне. Но во многом благодаря регулярному проведению Сибирского философского семинара, благодаря давним дружеским и профессиональным связям между философами разных сибирских городов (с волжским и московским ответвлениями) появилось устойчивое сообщество, расширяющаяся интеллектуальная сеть, что следует расценивать как отличный плацдарм для развития.

Как вещь-в-себе, как проект, как эскиз желаемого будущего, как направленность сообщества к преодолению своей «заброшенности» – сибирская философия уже существует. Она может и должна осознать себя как философию, отвечающую на угрозу застрять в «провинциальности» и «туземстве», как философию, бросающую вызов – мужественно встречающую глубокие затруднения и преодолевающую их с помощью сибирского здравого смысла, смекалки, широкого кругозора и прагматизма.

Литература

1. Анисимова А., Ечевская О. «Сибиряк»: общность, национальность или «состояние души»? // *Laboratorium*. – 2012. – № 4. – С. 11–41.
2. Борисов П.А. Человечность как позитивная девиация // *Философия здоровья: интегральный подход*. – Иркутск: ИГМУ, 2019. – Вып. 4. – С. 30–39.
3. Васеха М.В. Кто такой «сибиряк»: что такое сибирская идентичность // *Вестник Российской нации*. – 2014. – № 6. – С. 316–327.
4. Вольф М., Бутаков П., Берестов П. Аналитическая история античной философии // *Sententiae*. – 2013. – № 1 (28). – С. 96–108.
5. Вольф М.Н. Методологические споры вокруг истории философии: контекстуализм или апроприационизм? // *Философия и наука: проблемы соотнесения. Алешинские чтения* – 2016. – 2-е изд., испр. – М., 2017. – С. 393–400.
6. Диев В.С., Иванов А.В., Разумов В.П. Философия Сибири (к постановке проблемы) // *Вестник Омского университета*. – 2014. – № 4 (74). – С. 76–83.
7. Донских О.А. Сибирь: колония или партнер метрополии? // *Могущество Сибири будет прирастать!?* – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т экономики и упр., 2018. – Т. 2. – С. 38–41.
8. Иванов А.В. Сибирское евразийство как новая парадигма междисциплинарных социокультурных исследований // *Сибирское измерение российской философии: школы, направления, традиции*. – Новосибирск: НГУ, 2019. – С. 183–187.
9. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения: пер. с англ. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1280 с.
10. Кудашов В.П. Взаимодействие философии и когнитивных наук // *Образы науки в зеркале философии / под науч. ред. В.И. Кудашова*. – Ульяновск: Зебра, 2018. – Гл. 5. – С. 84–107.
11. Очерки зарождения философской мысли в Сибири и на Алтае: сборник статей. – Барнаул: АлтГУ, 2013. – 163 с.
12. Равочкин Н.Н. Интеллектуальная жизнь: формирование и динамика идей // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. – 2018. – № 3 (19). – С. 103–110.
13. Разумов В.П. Прошлое, настоящее и будущее философских проблем // *Вестник Омского университета*. – 2018. – Т. 23, № 1. – С. 60–64.
14. Розов Н.С. Причины долговременной значимости философских проблем (Что делает философскую проблему великой?) // *Вестник НГУ. Серия: Философия и право*. – 2003. – Т. 1, № 1. – С. 5–21.
15. Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. – Новосибирск: Манускрипт, 2016. – 341 с.
16. Розов Н.С. Антропростасия (защита человека) – этическое ядро гуманизма // *Этическая мысль*. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 141–156.
17. Сибирское измерение российской философии: школы, направления, традиции. – Новосибирск: НГУ, 2019. – 335 с.



18. Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. – 2013. – № 19. – С. 239–275.
19. Суровцев В.А. Аналитическая философия: всеобщее и нюанс // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 23–29.
20. Сурлов В. И. Сибирь – российская колония // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 1. – С. 108–133.
21. Сыров В.Н. Как возможна современная социальная философия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. – 2011. – № 2 (14). – С. 20–27.
22. Целищев В.В. Аналитическая философия и ревизионизм без берегов // Философский журнал. – 2018. – Т. 11, № 2. – С. 138–155.
23. Чистанов М.Н. О параллельности проблемных полей современной онтологии и философии истории // Вестник ТГУ. – 2009. – № 324. – С. 109–111.
24. Шевченко А.А. Понятия «нормативность» и «конструктивизм» в социальной теории // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2010. – № 4. – С. 13–19.
25. Эткнд А. Внутренняя колонизация: имперский опыт России. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 443 с.
26. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб.: Изд. И.М. Сибирякова, 1892. – 720 с.
27. Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. – New York: Brookings Press, 2003. – 240 p.
28. Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History / Ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, and W. Sunderland. – London: Routledge, 2007. – 308 p.
29. Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy / Ed. by M. Laerke, J.E.H. Smith, and E. Schliesser. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 384 p.
30. Preston A. Analytic Philosophy: The History of an Illusion. – London: Continuum, 2007. – 190 p.
31. Sylvan R. Prospects for Regional Philosophies in Australasia // Australasian Journal of Philosophy. – 1985. – N 63. – P. 188–204.
32. Yancy G. Philosophy in Multiple Voices. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2007. – 276 p.
33. Zarka I.C. The Ideology of Context: Uses and Abuses of Context in the Historiography of Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell, G.A. Rogers. – Oxford, 2005. – P. 147–159.

Статья поступила в редакцию 28.09.2019.

Статья прошла рецензирование 10.10.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-11-31

## SIBERIAN PHILOSOPHY: AN INTELLECTUAL CHALLENGE TO OVERCOME “PROVINCIALISM” AND “INDIGENEITY”

**Rozov Nikolai,**

*Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,*

*Principal research scientist,*

*Institute for Philosophy and Law SB RAS,*

*8 Nikolayeva St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation;*

*Head of Department for Social Philosophy and Political Sciences,*

*Novosibirsk State University,*

*2 Pirogova St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation;*

*Professor, Department of International Relations and Regional Studies,*

*Novosibirsk State Technical University,*

*20 K. Marx Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation*

ORCID: 0000-0003-2362-541X

nrozov@gmail.com

### Abstract

The Siberian philosophy possesses features of both types: “provincial philosophy” (secondary, oriented to modern European and American traditions) and “indigenous philosophy” (isolated, discussing a secluded circle of local and / or long-outdated ideas). At the same time, there is a potential for a breakthrough to “metropolitan philosophy”, i. e. transformation of Siberian philosophy into one of the significant centers of the domestic and world philosophical network. The factors of overcoming “provincialism” and “indigeneity” include the combination of novelty and significance of results, the discovery and active discussion of deep difficulties, heated discussions on topics relevant in world philosophy with an indispensable original contribution, the combination of “pilgrimage”, “missionary activities”, attracting “stars” and interns from different centers of the global philosophical network. The definite competitive advantages and opportunities based on the positive features of the “Siberian ethos” can help to develop Siberian philosophy to prevail “provincialism” and “indigeneity”: courage and perseverance in overcoming difficulties, sanity, ingenuity, curiosity, practicality, horizontal solidarity and a willingness to mutual assistance.

**Keywords:** Siberian philosophy, “provincial philosophy”, “indigenous philosophy”, “metropolitan philosophy”, deep difficulties, intellectual networks, philosophical discussions, actual problems of philosophy, Siberian character.

### Bibliographic description for citation:

Rozov N. Siberian Philosophy: an Intellectual Challenge to Overcome “Provincialism” and “Indigeneity”. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 1, pt. 1, pp. 11–31. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-11-31.

## References

1. Anisimova A., Echevskaya O. “Sibiryak”: obshchnost’, natsional’nost’ ili “sostoyanie dushi”? [“Sibiriak”: Community, Nationality or “State of Mind”?]. *Laboratorium*, 2012, no. 4, pp. 11–41. (In Russian).
2. Borisov I.A. Chelovechnost’ kak pozitivnaya deviatsiya [Humaneness as a Positive Deviation]. *Filosofiya zdorov’ya: integral’nyi podkhod* [Philosophy of Health: An Integrated Approach]. Irkutsk, 2019, iss. 4, pp. 30–39.
3. Vasekha M.V. Kto takoi “sibiryak”: chto takoe sibirskaya identichnost’ [Who is the “Siberian”: what is Siberian identity]. *Vestnik Rossiiskoi natsii = Bulletin of Russian nation*. 2014. № 6. S. 316–327. (In Russian).
4. Volf M., Butakov P., Berestov I. Analiticheskaya istoriya antichnoi filosofii [Analytic History of Ancient Philosophy]. *Sententiae*, 2013, no. 1 (28), pp. 96–108. (In Russian).
5. Vol’f M.N. [Methodological debates about the History of Philosophy: Contextualism or Appropriationism?]. *Filosofiya i nauka: problemy sootneseniya. Aleshinskie chteniya – 2016* [Philosophy and Science: Problems of Correlation. Aleshin Readings – 2016]. 2nd ed. Moscow, 2017, pp. 393–400. (In Russian).
6. Diev V.S., Ivanov A.V., Razumov V.I. Filosofiya Sibiri (k postanovke problemy) [Philosophy of Siberia (to the statement of the problem)]. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, 2014, no. 4 (74), pp. 76–83.
7. Donskikh O.A. Sibir’: koloniya ili partner metropolii? [Siberia: Colony or a Partner of the Metropolis?]. *Mogushchestvo Sibiri budet prirastat’!? [Can the Power of Siberia Increase!?*. Novosibirsk, Novosibirsk State University of Economics and Management Publ., 2018, vol. 2, pp. 38–41.
8. Ivanov A.V. Sibirskoe evraziistvo kak novaya paradigma mezhdistiplinarnykh sotsiokul’turnykh issledovaniy [Siberian Eurasianism as a New Paradigm of Interdisciplinary Sociocultural Research]. *Sibirskoe izmerenie rossiiskoi filosofii: shkoly, napravleniya, traditsii* [The Siberian dimension of Russian Philosophy: Schools, Directions, Traditions]. Novosibirsk, NSU Publ., 2019, pp. 183–187.
9. Collins R. *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Cambridge, London, The Belknap Press of Harvard University Press, 1998 (Russ. ed.: Kollinz R. *Sotsiologiya filosofii: global’naya teoriya intellektual’nogo izmeneniya*. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2002. 1280 p.).
10. Kudashov V.I. Vzaimodeistvie filosofii i kognitivnykh nauk [The Interaction of Philosophy and Cognitive Sciences]. *Obrazy nauki v zerkale filosofii* [Images of Science in the Mirror of Philosophy]. Ed. by V.I. Kudashov. Ul’yanovsk, Zebra Publ., 2018, ch. 5, pp. 84–107.
11. *Ocherki zarozhdeniya filosofskoi mysli v Sibiri i na Altae* [Essays on the Emergence of Philosophical Thought in Siberia and Altai]. Barnaul, AltSU Publ., 2013. 163 p.
12. Ravochkin N.N. Intellektual’naya zhizn’: formirovanie i dinamika idei [Intellectual Life: Ideas Formation and Dynamics]. *Ekonomicheskie i sotsial’no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research*, 2018, no. 3 (19), pp. 103–110. (In Russian).

13. Razumov V.I. Proshloe, nastoyashchee i budushchee filosofskikh problem [The Past, Present and Future of Philosophical Problems]. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, 2018, vol. 23, no. 1, pp. 60–64.
14. Rozov N.S. Prichiny dolgovremennoi znachimosti filosofskikh problem (Chto delaet filosofskuyu problemu velikoi?) [Reasons for the Long-Term Significance of Philosophical Problems (What Makes a Philosophical Problem Great?)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya i pravo = Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy and Law*, 2003, vol. 1, no. 1, pp. 5–21.
15. Rozov N.S. *Idei i intellektualy v potoke istorii: makrosotsiologiya filosofii, nauki i obrazovaniya* [Ideas and Intellectuals in the Stream of History. Macrosociology of Philosophy, Science, and Education]. Novosibirsk, Manuscript Publ., 2016. 341 p.
16. Rozov N.S. Antroprostasiya (zashchita cheloveka) – eticheskoe yadro gumanizma [Anthroprostasia (Protection of a Human Being) is an Ethical Core of Humanism]. *Eticheskaya mysl' = Ethical Thought*, 2019, vol. 19, no. 1, pp. 141–156.
17. *Sibirskoe izmerenie rossiiskoi filosofii: shkoly, napravleniya, traditsii* [The Siberian dimension of Russian Philosophy: Schools, Directions, Traditions]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 2019. 335 p.
18. Sokolov M., Titaev K. Provintsial'naya i tuzemnaya nauka [Provincial and Native Science]. *Antropologicheskii forum = Forum for Anthropology and Culture*, 2013, no. 19, pp. 239–275. (In Russian).
19. Surovtsev V.A. Analiticheskaya filosofiya: vseobshchee i nyuans [Analytical Philosophy: Universality and Nuance]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2010, no. 8, pp. 23–29. (In Russian).
20. Suslov V.I. Sibir' – rossiiskaya koloniya [Siberia as a Russian Colony]. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Regional Research of Russia*, 2007, no. 1, pp. 108–133.
21. Syrov V.N. Kak vozmozhna sovremennaya sotsial'naya filosofiya [How is possible the modern social philosophy]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya = Science Journal of Volgograd State University. Philosophy*, 2011, no. 2 (14), pp. 20–27.
22. Tselishchev V.V. Analiticheskaya filosofiya i revizionizm bez beregov [Analytic Philosophy and Revisionism beyond the Bounds]. *Filosofskii zhurnal = Philosophy Journal*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 138–155.
23. Chistanov M.N. O parallel'nosti problemnykh polei sovremennoi ontologii i filosofii istorii [On the Parallelism of the Problem Fields of Modern Ontology and Philosophy of History]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2009, no. 324, pp. 109–111.
24. Shevchenko A.A. Ponyatiya “normativnost” i “konstruktivizm” v sotsial'noi teorii [The Concepts of “Normativity” and “Constructivism” in Social Theory]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Filosofiya = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy*, 2010, no. 4, pp. 13–19.
25. Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya: imperskii opyt Rossii* [Internal Colonization. The Imperial Experience of Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 443 p.

26. Yadrintsev N.M. *Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a Colony in Geographical, Ethnographic and Historical Terms]. St. Petersburg. I.M. Sibiryakov Publ., 1892. 720 p. (In Russian).
27. Hill F., Gaddy C. *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. New York, Brookings Press, 2003. 240 p.
28. Breyfogle N.B., Schrader A., Sunderland W., eds. *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History*. London, Routledge, 2007. 308 p.
29. Laerke M., Smith J.E.H., Schliesser E., eds. *Philosophy and Its History. Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy*. Oxford, Oxford University Press, 2013. 384 p.
30. Preston A. *Analytic Philosophy: The History of an Illusion*. London, Continuum, 2007. 190 p.
31. Sylvan R., Prospects for Regional Philosophies in Australasia. *Australasian Journal of Philosophy*, 1985, no. 63, pp. 188–204.
32. Yancy G. *Philosophy in Multiple Voices*. Lanham, Rowman & Littlefield, 2007. 276 p.
33. Zarka I.C. The Ideology of Context: Uses and Abuses of Context in the Historiography of Philosophy. *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. Ed. by T. Sorell, G.A. Rogers. Oxford, 2005, pp. 147–159.

The article was received on 28.09.2019.

The article was reviewed on 10.10.2019.